

Верните ее литературе...

Надумал я написать небольшую книгу "Тюмень литературная" и с помощью областного управления культуры издать ее к пятидесятилетию Тюменской области. Хотелось мне рассказать о творчестве и жизни наиболее известных писателей нашего края: об Иване Ермакове и Анне Неркаги, Геннадии Сазонове и Юване Шесталове, Зоте Тоболкине и Еремее Айпине, Иване Истомине и Николае Денисове... Не стану перечислять всех имен. Скажу лишь одно: за тридцать лет существования областная писательская организация подарила России немало романов и повестей, пьес и очерков, стихотворений и поэм, которые — я в этом убежден — выдержат жесткое испытание нашего сурового времени, останутся на книжных полках публичных и частных библиотек.

Темные силы перестройщиков и реформаторов, развалив страну, сокрушив отечественную экономику, принялись долбить, валить и рушить нашу культуру. С садистским сладострастием, не гнушаясь никакими средствами, торопятся они свалить в мусорную яму истории все, что за семьдесят пять лет Советской власти создано усилиями и талантом трех поколений писателей, художников, композиторов, ученых-гуманитариев, архитекторов, библиотекарей, словом, деятелей культуры.

В Сибири бытует такая поговорка: "куда крестьяне — туда и обезьяне". Провинция ископону веку обезьяничала, неумело и запоздало повторяя столичные зады. Глядя на духовных отцов "нового мышления", кувалдой и ломом сшибающих с пьедесталов всех, кем гордилась Россия, тюменские "обезьяне" (со степенями и без) заулюлюкали, завыли, щедро поливая канализационными зловониями всю региональную культуру.

— Нет! — истово вопят они. — Не было и нет в Тюмени никакой литературы. Ни культуры, ни науки не было и никогда не будет! Ершов? Ну и что? Подумаешь, какая-то сказочка про горбатенького конька... Алябьев?.. Ха! Начирикал своего "Соловья" и возомнил!.. Наумов?.. Не слышали про такого... Лухманова?.. Знать не знаем... Менделеев?.. Был какой-то старикан, памятник ему в Тобольске, ну и что?.. Нет!.. Нет!.. Нет!.. Бродский — вот да!.. Лимонов — это классно! А наши сочинители... ха-ха-ха!

Нет, не ради того, чтоб переубедить этих митрофанушек, не помнящих родства, принялся я за эту книгу. Их уже не переубедишь, но тех, кто сейчас ходит в детский сад, сидит за школьной партой, учится в вузах и техникумах, тех мы обязаны обстоятельно познакомиться с нашим культурным наследием, с достижениями региональной культуры, являющейся неотъемлемой составной российской культуры.

Можно было бы бесконечно долго рассуждать об этом, но и сказанного, по-моему, достаточно, чтобы понять, зачем я решил написать книгу "Тюмень литературная" (заголовок, разумеется, условный). Буду несказанно рад, если книгой заинтересуются библиотеки. Тешу себя надеждой, что и комитет по народному образованию примет посильное участие в издании этой книги, уж кому-кому, а школам-то она несомненно нужна.

Но сказанное выше — всего лишь преамбула, затянущееся

соратников, Илир побеждает. Невероятно, но достоверно! И я верю в торжество Добра. Страшную силу заплатило оно за эту победу, но все-таки победило!

Со слезами на глазах читал и перечитывал я страницы, посвященные сломленному судьбой уродцу Хону. Вряд ли в нашей современной литературе есть что-то подобное, ведь соцреализм стороной обегал немощных, больных, страдающих и обре-

Приполярного Урала. Двенадцать лет зияет брешь в отечественной литературе на месте, где красовалась молодая, талантливая, всеми признанная, с неоспоримо блестящим будущим, единственная в мире профессиональная писательница-ненка Анна Неркаги.

Благословляя твое бегство в тундру, я заручился твоим клятвенным заверением: — "Если в течение полугода кочевой жизни я не доработаю и не сдам издателю повесть "Белый ягель", покину стойбище, поселюсь в Салехарде, займусь вплотную сочинительством". С тех пор двадцать четыре раза прошло по полугодю. Ни "Белого ягеля", ни новых произведений — нет! И не будет! Ни художник, ни писатель, ни композитор, живя в чуме, не сможет, физически и духовно не сможет творить!..

Сейчас Анне Неркаги сорок один год. Талант ее не ослаб, не оскудел. Работоспособность, полагаю, возросла: попробуй-ка, сохрани жизнь в кочевом чуме, не обладая фантастической работоспособностью! Жизненных наблюдений, впечатлений, больших и малых проблем, волнующих и тревожащих ненцев, накопилось столько, что их не выскажешь и в десяти повестях. Так что еще возможно, еще не поздно для Анны Павловны сменить топор и скребок, иглу и нож на перо.

Я призываю руководителей Ямало-Ненецкого округа помочь ей в этом, материально и духовно поддержать ее в этом нелегком, непростом, но так нужном всем нам шаге. Господа-товарищи, стоящие у кормила окружного Совета и окружной администрации, прошу вас, пожалуйста, помытите, другой Анны Неркаги нет не только на всем российском Севере, но и во всей России, и на всей планете нашей. Ее уход от литературы, от духовной жизни нашего народа потомки и современники не простят вам!

Я обращаюсь ко всем обитателям тундры Ямальской, к оленеводам и охотникам рода Неркаги и других родов. Дорогие хозяева тундры! Поймите! Можно вырастить огромные стада оленей, выловить несметное количество распрекрасной рыбы, проехать на нартах вдоль Северного Ледовитого от края до края, но по заказу, по желанию вырастить новую Анну Неркаги — нельзя! Сберегите для мировой культуры ту Анну, которая уже есть, которая каскает вместе с вами. Воротите ее литературе. Усадите за письменный стол. Благословите и вдохновите на новые повести и романы о вас, о вашей жизни, ваших бедах и болях!

И, наконец, я обращаюсь к тебе, Аня. Дорогая моя, Анна Павловна, милый мой человечек! Услышь меня, Анна!.. Повесть мне и пойми меня. От имени русской литературы, от имени русской культуры молю тебя, вернись!

Константин ЛАГУНОВ.

предисловие к главному. А главное состоит в следующем...

Первая глава книги называется "Зов предков". Посвящена глава творчеству Анны Неркаги. Готовясь к написанию этой главы, я перечитал обе повести Анны Павловны ("Илир" и "Анико из рода Ного") и много ее писем, адресованных мне. И если, читая первую повесть об Анико, я порой, нечасто, но все-таки запинался о нечеткую фразу, сомнительное сравнение или иной какой-то огрех, вполне простительный для первого произведения двадцатитрехлетней ненки, то "Илир" меня просто околдовал. Эта махонькая по объему повесть, как шаровая молния, таит в себе колоссальный заряд эмоциональной энергии и мудрости. Добро и Зло. Дьявол и Бог. Вот какие исполинские вселенские силы не то чтобы сошлись, а прямо-таки сшиблись, схлестнулись на крохотной площадке повести.

Рыцари Добра немощны и малы. Восемилетний сирота Илир, его ровесник — горбатый уродец, способный передвигаться только ползком — Хон и старый пес. А их противник — Собственник, богач, владыка Тундры, хозяин жизни. Очевидно неравновеликие силы.

Понимая рабскую зависимость от Маймы и свое бессилие противостоят Хозяину, Илир, тем не менее, гнется, но не ломается, падает, но встает, чтобы снова и снова в сто сотый раз кинуть себя наперерез Злу. И на последнем витке этой чудовищной схватки, потеряв всех своих

чуженных...

Потом, Анна, я перечел все твои письма ко мне. Их целая папка. Откровенные, душевные письма тех забываемых лет, когда ты была в беде, боролась с тяжким недугом, выходила на литературную дорожку. Я сохранил все твои письма с того самого первого листа, который ты робко и торпливо положила на мой стол. Положила и тут же ушла. На нем было вот это стихотворение...

•Хорошо проснуться бы
под крышей,
Чтобы сухо было и тепло.
Чтобы дождь и ветер
только слышать,
Слышать, как стучат они
в стекло.
Чтоб стояла с крепким чаем
кружка,
С жарким чаем,
пахнущим дымком.
Да лежала рядышком
горбушка,
С корочкой,
натертой чесноком.
И еще была б я очень рада
Башмакам,
не мокнущим в ненастье.
Вот и все, что мне
от жизни надо,
Вот и все, что надо мне
для счастья...

Но когда у тебя появилось все это, и не только это, а и квартира, и деньги, и всеобщая известность, и рукопись новой, отменной повести "Белый ягель", тогда ты, кинув все, сбежала в тундру, вышла замуж за оленевода, и вот уже тринадцатый год каслаешь с ним по ягельникам